

ЖОЗЕФ
МИШЕЛЬ
АНТУАН
СЕРВАН

Рассуждение об отправлении уголовного правосудия¹

Жозеф Мишель Антуан Серван (1737–1807) – французский судебный деятель, публицист и философ.

Жозеф Мишель Антуан Серван был генеральным адвокатом² парламента Гренобля в середине XVIII века. Один из выдающихся юристов того времени, в своей речи в 1767 году в Парламенте Гренобля он кратко и красноречиво изложил наиболее значимые требования эпохи Просвещения к уголовному законодательству. В его выступлении затрагивались самые острые и наболевшие вопросы в сфере уголовного права и процесса, вызывавшие у современников Сервана чувство глубокой несправедливости. Из необходимости решить эти вопросы и выстроится классическая школа уголовного права. Многие из этих положений лягут в основу глубокого преобразования уголовного права и процесса в годы Великой Французской революции. Ниже публикуются отрывки выступления 1767 года, сделавшего Сервана знаменитым. **[Антон Ишков]**

- 1 Полное название: «Рассуждение об отправлении уголовного правосудия», произнесенное господином Серваном, генеральным адвокатом, и изданное в Женеве в 1767 году Бриссо де Варвилем («Discours sur l'administration de la justice criminelle prononcé par M. Servant avocat général. Ce discours a été imprimé en 1767 à Genève (Brissot de Warville)»). Перевод выполнен по: www.ledroitcriminel.fr/la_sciences_criminelle/penalistes/introduction/servant_justice_criminelle.htm.
- 2 Несмотря на название, это прокурорская должность: в Средневековье прокуроры были адвокатами короля.

АРХИВ «НЗ»

При рассмотрении всех обязанностей магистрата ни одна из них не показалась мне более важной, чем отправление уголовного правосудия; и я был удивлен, что такая важная тема так редко затрагивалась в тех выступлениях, где речь шла о благе государства и функциях судебной власти: простой беглый взгляд обнаруживает в этом предмете тысячу полезных аспектов; и постоянное волнение, которое я испытывал, рассматривая его, заставило меня почувствовать, что он полезен и интересен.

Должен признаться, я хотел бы, чтобы все наши граждане услышали меня прямо сейчас. Я хотел бы сказать им: я буду говорить за вас, только за вас, за всех вас; я буду говорить о вашем имуществе, ваших свободах, ваших жизнях: кто из вас сможет выслушать меня равнодушно? Сегодня вы свободны, ваше состояние, ваша жизнь кажутся вам безопасными; но завтра, может быть, уже завтра, вы будете обвинителями или обвиняемыми; и, возможно, прямо сейчас враждебно настроенный гражданин только и ждет удобного момента, чтобы застать вас врасплох; может быть, черная интрига заставит правосудие подозревать вас – кто знает? Может быть, когда-нибудь ваши руки окажутся в кандалах. О, мои сограждане! Слушайте и будьте уверены; излагая наши обязанности, я расскажу вам о ваших правах; узнайте, как мало вам нужно бояться исходя из тех обязательств, которые мы должны выполнить.

Сегодня вы свободны, ваше состояние, ваша жизнь кажутся вам безопасными; но, может быть, уже завтра, вы будете обвиняемыми; и, возможно, прямо сейчас враждебно настроенный гражданин только и ждет удобного момента, чтобы застать вас врасплох.

Все добродетели, все качества судьи связаны с отправлением уголовного правосудия; но я ограничиваюсь описанием тех зримых последствий, которые приносит бдительность в предотвращении и расследовании преступлений, а также последствий усердия и справедливости – в проведении судебного разбирательства.

Однако прежде всего я спрашиваю: откуда взялась роковая необходимость наказывать людей? Откуда следует, что они не могут обойтись без уголовных законов? Кажется, что с хорошими гражданскими законами уголовные законы стали бы

навсегда бесполезны; и, наконец, что такое хороший гражданский закон?

Это такой закон, который действует в согласии с природой, предлагает каждому гражданину только то, что соответствует его благополучию, и запрещает только то, что может ему навредить; такой, который из счастья каждого составляет общественное счастье и, учитывая все частные интересы, образует общий интерес. Как же может случиться, что гражданин нарушает такие законы, что хочет действовать против самого себя, отказывается от своего счастья, нарушая свои обязательства?

Человеческое сердце легко объясняет эту трудность. Хорошие законы приносят нам счастье в общественном состоянии, но они отнимают счастье, которое мы могли бы испытать в естественном состоянии: они не предписывают ничего, что не соответствует нашему благополучию, но запрещают то, что соответствует нашим удовольствиям; и то, что они дают отдыху, они отнимают у страстей; наконец, хорошие законы сначала возмущают своими запретами, и нужна довольно веская причина, чтобы люди восхищались ими.

Кроме того, человек, который видит и знает только самого себя, находящийся во власти личных интересов, всегда тайно вынашивает намерение ради своей безопасности оставить другим подчинение законам, но самому избавиться от такого подчинения ради собственной выгоды: пути, которые он хотел бы укрепить для других, он развязывает только для себя самого. И это то зло, которое необходимо было предотвратить; в этом цель и назначение уголовных законов: наказание, которое они налагают за нарушение законов, является новым основанием для их соблюдения; и все искусство уголовных законов состоит в том, чтобы так хорошо регулировать тяжесть наказаний, чтобы, всегда превышая тяжесть страстей, безошибочно склонять гражданина на сторону долга. Не в моей компетенции, не говоря уже о моих способностях, углубляться в природу уголовных законов: я рассматриваю только важность их применения и необходимость бдительности в суде – вот что занимает меня в первую очередь.

БДИТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ ЕСТЬ ПОСТОЯННОЕ ВНИМАНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ ГРАЖДАН

Я вижу мать, которая окружает заботой своих детей; она следит за ними и прикрывает их от посторонних глаз, присматривает за ними во время их сна и постоянно наблюдает за ними во время их бодрствования: более склонная к предотвращению болезней, чем к их лечению, она расставляет вокруг них пред-

меты в соответствии с их потребностями, их слабым организмом; она отбрасывает, она отдаляет все, что может причинить вред, и приближает все, что полезно; она, одним словом, своими руками составляет счастье их раннего возраста. Такова моя идея той роли, которую судья должен играть среди сограждан; то, чем природа вдохновляет одного, долг повелевает другому.

До установления гражданского порядка человек, несомненно, был единственным хозяином самого себя: свободный среди природы, все его силы принадлежали ему, и все они служили только ему: он был для себя первым двигателем и единственным объектом. Его способности, его покой, его счастье сами по себе не были результатом взаимодействия, которым его собраты имели право распоряжаться; только он составлял единое целое: если люди сталкивались друг с другом, то это были не разъединенные части одного и того же тела, это были отдельные тела, которые препятствовали друг другу.

Но с тех пор, как он лишил себя своей естественной свободы, чтобы подчиниться законам, с тех пор, как он уступил часть своих прав, чтобы обеспечить пользование остальными, и ограничил свою волю, чтобы расширить свою власть; теперь, когда его счастье – в обществе, установился новый порядок; человек больше не принадлежит самому себе; он является достоянием общества, он больше не управляется движениями собственной воли; он руководствуется планом общего разума. Он признает лишь немногих, кто выше его, но все остальные равны ему, он подчиняется, но больше не подвергается насилию – одним словом, управление заменило инстинкты, а счастье человека стало делом человеческой мудрости.

Такова по крайней мере цель гражданского общества; и, если результаты не всегда ей соответствовали, винить в этом надо себя самих, ибо мы часто превращали в яд самое действенное лекарство от неизбежных зол естественного состояния.

Часто говорят о беспристрастности судьи, но, возможно, это наименьшая из его добродетелей; во всяком случае она должна проявляться после всех прочих; это последнее средство, когда других уже не осталось. Судить по законам – невелика мудрость, но заставить соблюдать их – вот искусство, полезное и трудное; займемся сначала предотвращением зол, тогда будет время наказывать за них.

Думаете ли вы, что злодей, при всегда явных примерах бдительности правителя, осмелится предаваться своим пагубным замыслам? Он оглядывается и видит только свидетелей, готовых дать на него показания, и простого человека, готового подать на него в суд – он трепещет, бледнеет, прячется от его взора; он ищет тени и находит повсюду лишь ненавистный свет: едва мысль о преступлении возникает, как он подавля-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

ет ее в глубине души и все еще боится, чтобы пронизательное око правителя не подстерегло бы его. Он бежит, наконец, с земли, что не терпит порока, или становится добрым, потеряв надежду быть злым безнаказанно.

Но стоит правосудию на мгновение закрыть глаза – и все меняется: по мере того, как бдительность засыпает, преступление пробуждается, меч законов в окостеневших руках уже не может утратить его; оно шествует дерзко, едва лишь почует себя без свидетелей, оно нагло нападает на граждан, чьи крики и смятение слишком поздно пробуждают уснувшего правителя; тогда-то граждане могут жаловаться одновременно и на того, кто причинил зло, и на того, кто не сумел его предотвратить, и, избличая преступника, обвинять судью.

Человек не принадлежит самому себе; он является достоянием общества, он больше не управляется движениями собственной воли; он руководствуется планом общего разума. Управление заменило инстинкты, а счастье человека стало делом человеческой мудрости.

Однако и добродетель имеет свои пределы, и в излишестве своем она становится пороком. Берегитесь смешивать с бдительностью те опасные дознания о мыслях людских или о поступках, незначимых для нас по своей природе; давайте отделим от нее эти постыдные проявления трусливой вражды, раскрывающей зло, на которое у нее самой не хватило бы смелости. Чиновник, бдящий над общественным порядком, должен согласиться не знать того, что бесполезно или опасно знать: ему не должно проникать слишком глубоко в те семейные тайны, чья скрытность составляет их сладость и цену; пусть он не нарушит своим суровым присутствием тех невинных, хотя и сокрытых, удовольствий, что свидетельствуют о порядке и единении граждан; будем лучше укреплять эти нежные узы общества вместо того, чтобы расторгать их недоверием; пусть друг будет всегда уверен в друге, супруг в супруге, брат в брате, отец в своих детях. Было бы преступлением вооружать природу против нее самой; вскоре низкие соглядатаи заняли бы место добродетельных граждан, и вы унизили бы нравы, желая слишком осветить поступки. Возможно, одним словом, лучше было бы всегда быть уверенным в возможности найти власть имущих в случае нужды, нежели видеть их действительно повсюду. Но, главное, их присутствие не должно всегда сопровождаться

наказанием и страхом – приятнее возвещать защиту и мир, и око правосудия – это не око циклопа, что открывалось лишь для выбора жертв.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН
РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

НЕ МЕНЕЕ ВАЖНЫМ ПРАВИЛОМ ДЛЯ ОТПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ТЩАТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Удивительно, что столь важная, столь священная обязанность так часто остается в небрежении.

Любое преступление всегда наносит ущерб не только какому-либо конкретному гражданину, но и вообще всему обществу, частью которого он является. Магистрат отвечает за этот двойной интерес, и усердие является частью его обязанностей, потому что оно обеспечивает успех его забот.

Подумайте о тех первых моментах, когда весть о каком-то ужасном событии распространяется по нашим городам и селам; граждане похожи на тех, кому угрожает удар молнии – каждый охвачен негодованием и ужасом, встревоженное воображение живо рисует опасность, и сердца, движимые жалостью, оплакивают в других беды, которых они страшатся и для себя самих. Вот и настало время наказать преступника: не позволяйте ему уйти, поспешите изобличить и осудить его, возводите эшафоты, разжигайте костры, тащите виновных на общественные площади, громко созывайте народ. Тогда вы услышите, что люди аплодируют оглашению ваших приговоров как провозглашению мира и свободы; вы увидите, что они прибегают к этим ужасным зрелищам как к торжеству закона: вместо этих напрасных сожалений, этой глупой жалости, вы увидите вспышку той радости и той жестокой бесчувственности, что внушаются любовью к миру и ужасом перед преступлением; каждый, все еще видя в обвиняемом своего врага, вместо того, чтобы обвинять мучителя в слишком суровой мести, увидит в нем только справедливость законов. Весь наполненный этими ужасными образами и этими полезными идеями, каждый гражданин расскажет об этом в своей семье; и там, в долгих рассказах, передаваемых с жаром и выслушиваемых с жадностью, его дети, собравшись вокруг него, откроют свою юную память, чтобы в неизменных чертах воспринять идеи преступления и наказания, любви к законам и к родине, уважения и доверия к судебной власти.

Жители сельской местности, также бывшие свидетелями подобных примеров, расскажут об этом по всей округе, и вкус добродетели укоренится в этих грубых душах, в то время как злодей, пораженный всеобщей радостью, уstraшенный тем, что

видит вокруг столько врагов, откажется, быть может, от замыслов, чей исход столь же скор, сколь и губителен.

Но, если вы позволите испариться жару, который вызывает-ся первыми звуками преступления, если вы наказываете поздно, вы наказываете излишне; тщетно вы пытаетесь воскресить память о давнем злодеянии – краткое (публичное) напоминание не в силах пробудить впечатление, стертое временем.

Народ, бесчувственный к опасности, о которой он забыл, восплает жалостью лишь к преступнику, видя его выходящим из долгого предварительного заключения, в его оправдание будет говорить жалость; у него больше не будет того отвратительного вида, который придает преступнику еще недавнее преступление; и правосудие останется одиноким среди безмолвных зрителей, втайне осуждающих его суровость и желающих вырвать у него его жертву.

Но что же случилось с обвиняемыми, которые, внезапно похищенные и на долгие годы отторгнутые от общества, являются словно из-под земли, чтобы быть преданными казни? Взгляните на эти печальные стены, где человеческая свобода заперта и скована кандалами, где иногда невинность путают с преступлением и где испытывают все мучения до последнего: подойдите ближе; и если ужасный лязг кандалов, если пугающая тьма, глухие и отдаленные стоны, леденящие ваше сердце, не заставят вас в ужасе отшатнуться, войдите в эту обитель боли; осмелитесь на мгновение спуститься в эти мрачные темницы, куда никогда не проникал дневной свет, и в изуродованных чертах лиц увидите своих собратьев, израненных кандалами, наполовину покрытых какими-то лохмотьями, зараженных воздухом, который никогда не обновляется и, кажется, пропитан ядом преступления; заживо съеденных теми же насекомыми, которые пожирают трупы в их могилах; едва утоляющих голод грубой, скупо раздаваемой пищей; постоянно встревоженных жалобами своих несчастных товарищей и угрозами безжалостного надзирателя; менее напуганных мучениями, чем измученные их ожиданием; в этом долгом мученичестве всеми своими чувствами они призывают на помощь смерть, более сладкую, чем их несчастная жизнь.

Если эти люди виновны, они все равно достойны жалости; и судья, который откладывает решение их дела, явно несправедлив по отношению к ним. Закон назначил публичное наказание, которого должно быть достаточно для искупления их преступления и удовлетворения общества, поэтому это длительное мучение в жестокой тюрьме – новое наказание, которое возлагается на виновного³, и превышать меру наказания –

3 Речь идет о предварительном заключении – нахождении под стражей до вынесения решения по существу.

значит нарушать закон: избыток тем пагубнее, что он вредит одновременно и виновному, и обществу, и что все пребывание узника в тюрьме потеряно как пример для других людей⁴.

Но, если эти люди невиновны, о горе! о, жалость! При этой мысли человечество издает из глубины души ужасный и протражный крик. Что?! Этот человек, рожденный свободным, стонет под тяжестью кандалов; этот человек, которому предназначались свет и воздух небес, едва дышит в ужасной темнице; этого семьянина насильно вырывают из объятий жены и детей; скорбь, отчаяние и голод овладели его тихим жилищем; эти руки, обнимавшие нежную жену, подрастающее потомство, эти руки, которые давали им средства к существованию, которые сеяли, которые собирали, эти руки, столь необходимые государству, недостойно связаны; чистое и непорочное сердце находится в местах, запятнанных угрызениями совести, – невинность, одним словом, находится среди преступников! Здесь нельзя удержаться от глубокого стога по поводу несчастий человеческого положения; именно здесь, устремив взор на Провидение, равно с горечью и изумлением, говорят: «О человек, какова твоя участь! Страдать и умирать – вот два великих предела твоего поприща».

Какой судья, хоть немного чуткий к своим обязанностям, к самой человечности, мог бы вынести эти мысли? Сможет ли он в уединении кабинета, не содрогаясь от ужаса и жалости, взглянуть на эти бумаги – злополучные памятники преступления или невинности? Не кажется ли ему, что он слышит стонущие голоса, исходящие из этих роковых писем и побуждающие его решить судьбу гражданина, мужа, отца, семьи? Какой безжалостный судья, если ему поручено только одно уголовное дело, сможет хладнокровно пройти мимо тюрьмы? Итак, это я, скажет он, задерживаю в этом отвратительном месте моего ближнего, возможно, равного мне, моего согражданина, человека, наконец! Это я сковываю его каждый день, закрываю перед ним эти отвратительные двери! Возможно, отчаяние овладело его душой; он с проклятиями возносит к небесам мое имя и, без сомнения, свидетельствует против меня великому Судье, который наблюдает за нами и должен судить нас обоих! Законы требуют, чтобы я судил, общественность требует, чтобы я судил, несчастный преступник тоже требует этого от меня; а я, наоборот, предаю отдыху! Быть может, в сей миг надежда на безнаказанность закрадывается в сердце злодея; он в трепете ожидал казни своего сообщника: но промедление ободряет его и оживляет его замыслы; уже, быть может, он заносит нож над голову какого-нибудь гражданина!

⁴ То есть общая превенция закона не работает при длительном пребывании обвиняемого в предварительном заключении.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Злодей, остановись! Темницы отворятся; по крайней мере прежде, чем совершить преступление, приди узреть кару своего сообщника!

Вершина совершенства законов и чести судебной власти состояла бы в том, чтобы сделать тюрьмы ненужными: вместо нескольких бесполезных памятников искусства мы триумфально показывали бы наши заброшенные тюрьмы и больницы, мы могли бы сказать завистливым иностранцам: «Все наши граждане живут в достатке и добродетели»!

Но на такое большое счастье нельзя надеяться; и люди, которые не нарушали бы законов, не нуждались бы в них. Давайте не будем стремиться к тому, чтобы сделать народ мудрым, достаточно того, чтобы им хорошо управляли, и, несомненно, никто не будет отрицать, что расторопность в наказании является одним из важнейших правил хорошего правления. Одним словом, хотим ли мы поддерживать общественный порядок? Чтобы за злодеями бдительно наблюдали, неустанно преследовали и судили их без промедления?

Впрочем, какое сладостное удовлетворение для настоящего судьи, для сердца гражданина, для чувствительной души думать, говорить себе: общественный покой – это мое дело; это я наказываю преступление, а невиновность пользуется своими правами; тюрьмы теперь не более чем временное убежище, безжалостно очищенное от отбросов общества; благодаря моему усердию я больше не вижу вокруг себя никого, кроме честных людей; я не мог вынести преступления на той земле, на которой живу, я истребил его, или изгнал; или, если еще остался какой-нибудь злой человек, он дрожит от одного моего имени – как от имени своего самого страшного врага; это стоило мне покоя, но награда достойная: я сделал добро, и все решения, которые я вынес, являются памятниками добродетели!

Усердие судьи в отправлении гражданского правосудия превозносится; это, несомненно, добродетель, но давайте поставим ее на место: усердие в отправлении уголовного правосудия должно быть намного важнее.

Что это за гражданское правосудие, которое занимается задачей нескольких клочков земли, целью которого является только собственность, столь чуждая природе человека; которое хоть и вынуждено отдавать их достойным, отнимает тем не менее землю у трудолюбивого гражданина, чтобы отдать ее праздному, отнимает у экономного, чтобы обогатить скупого, и на самом деле является всего лишь орудием нескольких богатых людей, которые одни, владеющие всем, все еще могут о чем-то спорить? Что это за правосудие по сравнению с уголовным правосудием, которое касается жизни или смерти граждан, их чести или позора, их прав или бесправия?

Жадные и спорящие люди, к которым нельзя подойти без вражды и ненависти! Вы устраиваете судебные процессы в сельской местности и захватываете с их помощью земли, вы неустанно просите своих судей, вы ропщете о малейшей задержке, само время рассмотрения отягощает вас; не жалеете ничего, чтобы выиграть дело: друзья, родственники, интересы – все идет в ход ради победы. Однако вы живете, вы свободны; вы пользуетесь всеми благами общества; возможно, вы были бы счастливы, если бы научились быть умеренными, и вы не думаете о том, что несчастные томятся в темницах, находясь между смертью и жизнью⁵; они несчастны, если виновны, и еще более несчастны – если невиновны; вы не думаете о том, что общественный порядок нарушен и что государство ждет наказания преступника или освобождения невиновного гражданина.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН
РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Давайте не будем стремиться к тому, чтобы сделать народ мудрым, достаточно того, чтобы им хорошо управляли, и, несомненно, никто не будет отрицать, что расторопность в наказании является одним из важнейших правил хорошего правления.

Будьте справедливы хоть раз, оставьте на время свои бесполезные споры и уступите место для более важных общественных интересов – или, если вы хотите получить право жаловаться, станьте гражданами, забудьте о своем деле и займитесь делом общественным; добивайтесь уголовного преследования виновного, и тогда вы будете жаловаться, если хотите, – правосудие вернет вас обратно⁶.

Господа, давайте предоставим личности граждан такую же скорую и надежную защиту, как и их имуществу: наше время всем обязано и первой, и второму. Лампа судьи, работающего на общество, должна загораться задолго до лампы ремесленника, работающего только на себя; сейчас не время сожалеть о потерянном отдыхе, размышлять о себе – мы отдали себя, наша клятва выполнена; давайте воздержимся от того, чтобы первыми подавать пример неверности: и прежде всего

5 В оригинале именно в таком порядке.

6 Трудно понять, что здесь имел в виду автор. По всей видимости, речь идет о том, что если дело истца действительно важное, то оно уголовное. Слово «жалоба» в контексте уголовного процесса означает заявление потерпевшего о гражданском иске в уголовном деле. «Правосудие вернет вас обратно» скорее всего означает, что после заявления потерпевшего о совершении преступления он возвращается в процесс уже в роли гражданского истца в уголовном деле. А вот «бесполезными спорами» названы чисто гражданские процессы: Серван дает понять, что на фоне уголовных дел имущественные споры частных лиц – дело второстепенное.

давайте никогда не будем забывать, что быстрота суждения является частью справедливости; что судить слишком поздно – значит быть несправедливым. После всего сказанного позволительно спросить: в чем же заключается наш долг? Быть беспристрастными.

В ЛЮБОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Я ВИЖУ ДВА ПРЕДМЕТА РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: ОСУЖДЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В каждом решении по уголовному делу определяют виновного в преступлении и то, какое наказание ему назначено. Первый вопрос – дело судьи, второй – только закона.

Бдительность судьи должна помогать в раскрытии преступления, а его проницательность – распознавать виновного. Итак, я полагаю, что состав преступления установлен и осталось только выяснить, кто его совершил: это решающий момент в исполнении должностных обязанностей судьи, и его разум должен изнывать под бременем долга.

Каждый день в обществе спрашивают, кто совершил преступное деяние, и каждый раз подобные вопросы решаются без колебаний, при этом наши частые ошибки нисколько не охлаждают нашей опрометчивой уверенности.

Пусть нетерпеливый и тщеславный человеческий разум беспорядочно выносит свои бессмысленные суждения о фактах, безразличных к человеческой жизни; но там, где речь о жизни и чести граждан, о самом существовании людей и обо все том, что придает ему ценность, пусть слабый наш разум остановится прежде, чем вынести решение; пусть он оценит свои силы и измерит пропасть, которую ему предстоит перешагнуть.

Мы заметим лишь, что первой заботой судьи должно быть точное понимание того преступления, по обвинению в котором он будет судить. Ни одно обстоятельство не должно быть упущено: место, время, лица, все признаки, сопровождающие правонарушение; необходимо рассмотреть преступление со всех сторон: часто из едва заметной щели пробивался внезапный свет, озарявший судью. Скольких деталей требует эта работа! Это и выбор свидетелей обвинения; и осторожность, чтобы верить лишь тому, что они действительно могут знать; точное знание места, знание времени, когда было совершено преступление; характер, заинтересованность тех, кто обвиняет. Сколько предварительных решений нужно вынести до приговора! Сколько нитей нужно распутать, чтобы развязать узел одного единственного деяния! Горе судье, который не чувствует важности этих деталей! Ничто не является мелочью в столь

великом деле; и, поскольку необходимо, так сказать, сопоставить преступление с обвиняемым, необходимо пристально изучить и первое, и второго; ибо если важно как следует понять преступление, то, возможно, еще важнее – как следует понять обвиняемого.

Я знаю, что наши законы запрещают расследование любых других преступлений обвиняемого, за исключением того, которое является предметом обвинения; но этим они скорее хотели ограничить процедуру, нежели управлять мнением судьи; и было бы весьма опрометчиво выносить решение о несправедливости или истинности обвинения, не имея хотя бы какого-то представления о характере, нравах и интересах обвиняемого.

Но что! Неужели нужно узнать всю историю его тайной жизни, чтобы судить об одном единственном поступке, который затрагивает общественные интересы? Неужели нужно рыться во всем его прошлом, чтобы прояснить что-то конкретное? Без сомнения, хотелось бы, чтобы это было возможно; хотелось бы сочетать быстроту правосудия с неторопливостью мудрости: но все человеческое имеет свои недостатки; и самое обычное правило для судьи – мириться с малыми неудобствами ради достижения великих преимуществ.

Итак, это правда, что, если подходить к вещам со всей строгостью, целой жизни человека не хватило бы, чтобы решить судьбу другого; но наша мудрость – это искусство самоограничения. Нескольких удачно выбранных черт, нескольких верно подмеченных моментов жизни обвиняемого будет достаточно, чтобы судья смог представить себе его интересы и нравы.

В обществе совсем немногие действия являются изолированными; импульс, который они вызывают, передается по цепочке всему, что их окружает; самые грубые люди – это очень пронизательные моралисты, которым личный интерес открывает посредством тонкого чутья все недостатки тех людей, которых им важно узнать лучше. Пусть судья знает, как отбирать свидетельские показания и управлять допросом: если он только захочет знать, то вскоре будет информирован; он узнает, является ли этот человек, которого обвиняют в убийстве, жестоким или умеренным, любит ли он мстить, хотел ли он причинять вред; прошлое прояснит для него настоящее, и, именно сравнивая преступление и обвиняемого, он установит высший уровень вероятности, окончательное суждение о которой является лишь общим расчетом.

Можем ли мы обвинять человека, известного своим мягким нравом, в ужасном поступке? Можем ли обвинять робкую и слабую девушку в дерзком и сложном в исполнении преступлении? Можем ли обвинять гражданина, всеми любимого за бескорыстие и честность, в подлом и низком поступке? Разум восстает

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

против обвинения, которое уже противоречит правдоподобию, и бежит прочь при одном лишь появлении обвиняемого.

Вы, судящие людей, остерегайтесь ложной мысли, что все люди в равной степени способны на все; что человеческое сердце, рожденное порочным, без усилий порождает чудовищ и что достаточно мгновения, чтобы смешать невинность и преступление. Не позорьте свою природу мрачной склонностью подозревать ее; всегда принимайте во внимание жизнь, до сих пор невинную и чистую. Покажите своей благородной верой в добродетель, что вы сами добродетельны. Одним словом, повторю: чтобы верно судить о настоящем, вдумчиво исследуйте прошлое.

Настал критический момент, когда обвиняемый предстанет перед взорами своих судей. Я спешу спросить: какой прием вы ему уготовили? Примете ли вы его как судья или же как враг? Намереваетесь ли вы устрашить его или же наставить? Что станет с этим человеком, внезапно вырванным из своей темницы, ослепленным дневным светом, который он вновь видит, и перенесенным вдруг в среду людей, которые будут вершить его судьбу, решать вопрос о его жизни или смерти? Уже трепещущий, он едва поднимает неуверенный взор на вершителей своей участи, и их мрачные взгляды пугают и отталкивают его. Ему кажется, он заранее читает свой приговор в зловещих складках на их лбах; его уже помутившиеся чувства поражены грубыми и угрожающими голосами; те немногие проблески разума, что у него остались, окончательно затмеваются, его мысли путаются, его слабый голос с трудом выдает неуверенные слова, и, как верх несчастий, его судьбы, возможно, приписывают смятению преступления тот беспорядок в мыслях, что порожден одним лишь ужасом от их вида.

Как вы заблуждаетесь насчет смятения этого обвиняемого, вы, кто, возможно, и сами не осмелились бы говорить уверенно перед горсткой собравшихся! Разгладьте свой сморщенный лоб, позвольте прочесть в ваших взорах трепетную заботу о человеке, которого желательно найти невиновным; пусть ваш голос, мягкий в своей серьезности, словно открывает вместе с вашими устами путь к вашему сердцу; подавите тайное отвращение, которое внушают вам вид этих оков и ужасная внешность нищеты; остерегайтесь смешивать эти двусмысленные признаки преступления с самим преступлением – и помните, что под этими печальными внешними чертами, возможно, скрывается добродетельный человек.

Какое зрелище! Поднимите глаза и узрите над вашими головами образ вашего Бога, который был невинно обвинен: вы – человек, будьте человечны; вы – судья, будьте умеренны; вы – христианин, будьте милосердны. Человек, судья, христианин,

кто бы вы ни были, уважайте несчастье; будьте мягки и сострадательны к человеку, который раскаивается, а возможно, и не в чем ему раскаиваться.

Но оставим внешность судьи, чтобы обсудить опасное искусство, о пользе которого мне часто доводилось слышать; это искусство – сбивать с толку обвиняемого каверзными вопросами, даже ложными предположениями, и использовать таким образом хитрость и обман для раскрытия истины. Это искусство не столь уж сложно: голову несчастного обвиняемого кружат сотней разрозненных вопросов – делается вид, что не соблюдается порядок фактов; ему ослепляют взор, заставляя быстро вращаться вокруг множества различных предметов; и, внезапно остановив его, ему приписывают признание, которого он не делал, ему говорят: «вот ты только что сознался; ты противоречишь себе, ты лжешь, и ты потерян».

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

**Наша мудрость – это искусство самоограничения. }
Нескольких удачно выбранных черт, нескольких }
верно подмеченных моментов жизни обвиняемого }
будет достаточно, чтобы судья смог представить себе }
его интересы и нравы. }**

Какое презренное коварство! И каков его эффект? Обвиняемый остается в оцепенении; слова его судьи обрушиваются на его голову, как нежданная молния; он потрясен, видя себя преданным самим собой; он теряет память и рассудок; факты путаются и смешиваются; и часто мнимое противоречие заставляет его впасть в противоречие действительное.

Так ли должна поступать непредвзятая справедливость? И с каких пор отправление правосудия стало состязанием в софистике? Еще если бы у обвиняемого, как это делалось у некоторых мудрых народов, был защитник, который мог бы говорить за него и помогать его слабости; если бы хладнокровный человек отвечал спокойному судье и пронизательность допрашивалась бы искусностью, если бы, одним словом, существовало какое-то равенство между нападением и защитой – но простой человек перед опытным судьей, обвиняемый, объятый ужасом, перед спокойным и владеющим собой судьей, человек, чье единственное спасение – истина, в то время как против него используют искусство и ложь; нет, это искусство отвратительно и несправедливо; да не оскверним мы им наших почтенных обязанностей; мы будем верны другому искусству – простоте, пойдем к истине через истину; последуем за обвиняемым во всех фактах, но шаг за шагом и не торопя его;

будем наблюдать за его путем, но не сбивая его; и если он падет, пусть это будет под напором истины, а не наших ловушек.

Здесь моим глазам внезапно предстает страшное зрелище: судья устает допрашивать словом, он хочет допрашивать пытками; нетерпеливый в своих изысканиях и, возможно, раздраженный их бесплодностью, он велит принести факелы, цепи, рычаги и все эти орудия, изобретенные для страдания. Палач приходит, чтобы вмешаться в отправление правосудия, и завершает насильем допрос, начатый в условиях свободы.

Кроткая философия, ты, что ищешь истину лишь со вниманием и терпением, ожидала ли ты, что в твой век будут употреблять такие орудия для ее открытия!

Неужели правда, что наши законы одобряют этот непостижимый метод и обычай его освящает? А мы упрекаем древних за их цирки и гладиаторов, наших отцов – за испытания водой и огнем. Ах! Лучше уж отдать обвиняемого на арену – по крайней мере у него будет свобода защищаться; пусть его бросят в пламя – у него будет по крайней мере надежда на случайность или бегство. Жестокие безумцы, что мы собой представляем! Неужели стоны – это то, что мы хотим услышать? Ах! Без сомнения, можно приказать пытать; но, если мы ищем истину, неужели в смятении боли мы надеемся ее найти? Увы! Кто из вас не испытывал боли? Какой человек не знает ее ужасного воздействия на существо, которого чувствительность делает столь слабым? Страдающий человек больше не похож на себя самого; он стонет, как дитя, и мечется, как безумный; он взывает о помощи ко всей природе; его слабый разум вскоре разделяет волнение его чувств и еще усиливает его воображением: его мысли искажены не менее, чем его черты; все его способности то активны, то подавлены, то возбуждены, то вновь ослабевают, и в этой всеобщей конвульсии его существа нет ничего постоянного, кроме сильного желания положить ей конец. Соберите, если хотите, все преступления и преследуйте человека болью; он покроется ими, если увидит в этом убежище. Величайшее преступление против нашей природы – это страдание, и сама смерть была бы ничем, если бы ей не предшествовала боль.

Я знаю, что следует уважать древние обычаи, и я подавил бы здесь голос чувства; я вдвойне усомнился бы в собственном спорном суждении, если бы не видел, что лучшие правительства и мудрейшие народы с ужасом отвергают пытку и поносят ее применение у нас как в ее последнем убежище. Наши величайшие мужи, наши первые гении обличили ее перед человеческим разумом, заранее заклеив ее в своих писаниях. Признаюсь, для меня большая честь присоединить свой голос к их голосам и публично высказать свидетельство в пользу челове-

ческого рода; и, если слепая вера в обычай возбудит против меня какого-нибудь критика, человечность, которая рукоплещет мне в глубине сердца, утешит меня от ропота предрассудка.

Это много значит – хорошо знать обстоятельства преступления и характер обвиняемого, тщательно сравнить их и обнаружить все взаимосвязи, – но это еще не все, и остается сделать самое важное, а именно, принять к рассмотрению и оценить свидетельские показания: это тройная неизбежность! Что жизнь свободного человека, которая должна зависеть лишь от законов, оказывается во власти страстей и ошибок его сограждан и что меч правосудия направляется свидетелями, часто лживыми или невнимательными.

Но, в конечном счете, нельзя оправдать или осудить обвиняемого исходя лишь из природы вменяемого ему преступления и тем более – из его характера и нравов: у нас больше нет граждан, столь великих, чтобы заставить умолкнуть обвинение, таких как Сципион, который сказал: «Пойдем на Капитолий возблагодарить богов за мои победы»⁷. Этого было достаточно для оправдания – напомнить своим судьям, кем он был; те времена прошли, и те возвышенные души, превосходящие само подозрение, канули в лету. Удел обыкновенных людей зависит от других людей, и сила свидетельских показаний решает его.

Но есть ли у нас какое-то верное правило, какая-то общая мера для определения ценности свидетельских показаний? Вот где трудности умножаются, и, признавая необходимость наших процедур, поражаешься их дерзости. Нет, без сомнения, эти свидетельства не имеют точной меры, и правда, что мы судим, не имея надежного правила для руководства нашим суждением.

Когда наш разум работает с собственными идеями или когда мы формулируем суждения на основе собственных ощущений, истина, которая давит на нашу душу, так сказать, непосредственно с ней соприкасаясь, рождает убеждение, почти одинаковое у всех людей. Но, когда нам недостает ясности рассудка или достоверности чувств, когда мы вынуждены идти за знаниями к другим, а не к самим себе и составлять свои суждения на основе чужих свидетельств, тогда не остается ничего определенного и универсального. Что же это за люди, к которым я обращаюсь? Какое право имеют они желать, чтобы им верили? Какую власть их ощущения имеют над моими чувствами, их разум – над моим рассудком? Какое средство имею я удостове-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

7 Здесь автор ссылается на историю осуждения брата Публия Корнелия Сципиона, бывшего героем войны с Карфагеном, победителем Ганнибала. Сципион сорвал суд над своим братом, просто призвав всех помолиться в память о его победе. См.: Тит Ливий. *История Рима от основания города: В 3 т.* М.: Наука, 1993. Т. 3. С. 310–311.

риться, что они знают все, что мне говорят, или что по крайней мере они говорят мне лишь то, что знают, что они не являются ни обманщиками, ни невеждами? Какова, одним словом, связь между тем, что есть на самом деле, и теми пустыми словами, которыми они поражают мои уши?

Только опыт может служить мостом к нашим знаниям: чтобы верить людям, нужно испытать то, что они говорят, проверить их ощущения нашими собственными и их знания – нашим разумом. Опыт – единственная мера вероятности, но сколь изменчива эта мера! Все ли люди имеют опыт? Все ли имеют его в достатке? Все ли имеют равный опыт?

Придворный, привыкший к порокам и страстям, тысячекратно обманутый или сам становящийся обманщиком, приученный к недоверию собственным опытом, слишком часто сталкивавшимся с окружающей лживостью, нелегко распознает священные черты истины в устах людей; тогда как простодушный сельский житель, живший лишь среди столь же простых людей, как он сам, без тени подозрения поверит самому легковесному свидетельству. Возьмите, одним словом, сколько угодно людей, заставьте их измерить, сколько вмещают в себя одни и те же свидетельские показания, и вы найдете лишь различные соотношения.

Каковы же тогда будут необходимые условия для точного определения ценности свидетельств и степени вероятности? Эти условия невозможно выполнить. Для этого нужно было бы существовать во все времена и во всех местах, досконально знать страсти и интересы людей, признаки, которые их характеризуют, и силу различных побуждений, толкающих от порока к добродетели, от заблуждения к истине. Нужно было бы в каждом случае сравнить все эти различные элементы, чтобы составить из них средний элемент, общую единицу, которая служила бы мерой для всех суждений.

Но зачем говорить о том, что не в силах нашей природы? Вернемся к человеку и установим, что он должен, исходя из того, что он может. Что сказать судьям, занятым определением судьбы обвиняемого на основе ценности свидетельств? Какие советы им предложить? Один, еще слишком молодой, чтобы не доверять людям, у которых не было времени его обмануть, не станет ли он верить им слишком легко? Другой, состарившийся и всегда погруженный в исполнение обязанностей, которые не показывали ему почти ничего, кроме невежества или злобности, не станет ли он слишком невосприимчив к свидетельствам?

Более искушенный судья, сумевший соединить изучение законов с изучением людей, сказал бы им: не доверяйте своим суждениям, основанным на неполном опыте, научитесь позна-

вать людей, они не всецело хороши и не всецело порочны, но распознавайте случаи, когда страсти вынуждают их становиться теми или другими. Хотите в этом преуспеть? Тщательно разбирайте и оценивайте каждое показание по добросовестности свидетеля и его осведомленности; разлагайте вновь эти главные элементы, наблюдайте его добросовестность в его интересах, привычках, страстях, нравах; измеряйте его осведомленность по его роду занятий, образованию, талантам и стольким другим обстоятельствам, не менее существенным; затем сравнивайте эти свидетельства, наблюдайте их соответствие или противоречие; и из всех противоречащих друг другу переменных величин определяйте те, что у вас остаются.

Что вам сказать! Вместо того, чтобы останавливаться на первом впечатлении, произведенном усилием слепого опыта, выбирайте свои мотивы; разделяйте все эти черты и запечатлевайте в себе ясный образ, который, представляя вам доказательства в их истинном порядке и их должном объеме, мог бы удовлетворить ваш разум и утешить ваше сердце, если вам выпадет несчастье осудить человека.

Если же какой-либо судья, отвергая эти советы, осмелится подумать про себя, что столь пристальное внимание сделает его обязанности слишком тягостными; если кто-либо зародит в своей душе это отвратительное чувство, то я обращаюсь не к нему: я обращаюсь к судьям, которые сообразовали меня выслушать, они не станут экономить несколько дней своей жизни, когда речь идет о решении всей жизни другого. Какой варварский судья захотел бы рискнуть из-за поспешного приговора заплатить ценой убийства несколько мгновений жизни, которую он всецело должен посвящать обществу?

Один известный судья утверждал, что те, кто готовит себя к судебной должности, слишком пренебрегают изучением вероятности; он желал, чтобы у нас было хорошее руководство, в котором были бы изложены правила правдоподобия. Такое сочинение, без сомнения, было бы полезно, особенно если бы сделать эти правила наглядными, применив их ко множеству хорошо подобранных примеров.

Но судья почти ничего не сделал бы, если бы ограничился этим изучением, нужно изучать людей среди самих людей, и я осмелюсь думать, что один день наблюдения в обществе просветил бы его больше, чем целые месяцы уединенных размышлений. Некоторые суровые мужи смотрят на светскую жизнь как на нечто чуждое, куда судья не смеет ступить, не нарушая своих обязанностей. Однако же верно, что общение с людьми может стать для судьи источником самых полезных наставлений. Именно там, близко к страстям, можно различить их истинный характер, степень силы и направление, которое они

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

придают человеку, – будь то в их столкновениях или в их со-
четании; привычка видеть людей учит читать сердце по при-
творным чертам их лица.

Привычка слышать их и сравнивать их слова с поступками,
наконец, учит истинному смыслу этого языка интереса, кото-
рый никогда не говорит то, что хочет сказать.

Так опыт и внимание формируют в нас чутье к ложному и
истинному, которое не дается ученостью и без которого нель-
зя обращаться с показаниями людей, не ошибаясь в их весе.
Дойдут даже до того – так могущественна привычка, – что бу-
дут судить о них с быстротой, равной их точности; и судья, об-
ладающий этим двойным преимуществом, сможет наилучшим
образом использовать эти знания, полученные, казалось бы,
в легкомыслии.

Пусть судья накопит в своей памяти все эти позитивные за-
коны (которые суть произвольное творение людей) – вот он,
возможно, и способен решить несколько гражданских дел;
но и тогда, если его память не упорядочена здравым смыслом,
его знания послужат лишь тому, чтобы сбить его с толку; его
голова – это пещера, из которой он извлекает законы, чтобы
принести их в жертву; подобно великану из басни, который
выпускал спутников Улисса, запертых в его пещере, лишь для
того, чтобы пожрать их.

Однако я согласен с тем, чтобы он использовал гражданские
законы наилучшим образом: уголовное правосудие требует
его первостепенного внимания; обвиняемый предстает перед
его судом; речь уже не идет о механическом применении яс-
ного закона к признанному факту; речь идет об установлении
факта неопределенного, факта скрытого, факта, который дол-
жен определить судьбу человека. Чем поможет судье в испол-
нении этой обязанности знание гражданских законов? Сумеет
ли он узнать людей, распознать все обстоятельства, характе-
ризующие их действия, составить верное представление о ха-
рактере и интересах обвиняемого, сравнить его со всех сто-
рон с вменяемым ему преступлением, оценить свидетельства,
разделить их, сопоставить, объединить, проследить их во всех
приближениях от сомнения к достоверности? Он знает только
законы; они даже не учат распознавать честных людей, тем
более – разбираться в тех, кто таковыми не является. Все эти
мотивы вероятности, все эти моральные величины соберутся
в его уме хаотично, чтобы составить бесформенную массу, ко-
торая будет воздействовать не собственной силой, а лишь со-
гласно состоянию души, которая их воспринимает. То слабая
и склонная к обману, она увлечется самым легким свидетель-
ством; а в другие времена, непреклонная в своей суровости, не
уступит даже очевидности; и жизнь людей, менее уважаемая

здесь, чем жизнь самых низких животных, которых умерщвляют лишь по необходимости, станет игрушкой невежества или дурного настроения.

Времена, возможно, изменятся; настанет момент, когда опыт откроет судье глаза; когда крики непризнанной и осужденной невинности будут терзать его душу и нарушать его покой; когда судью будут оценивать лишь соответственно его раскаянию и его несчастью. Но пусть он подавит эти крики, если сможет; пусть утешает свою невежественность своей добросовестностью – никогда он не сможет спасти свою честь; публика, которая является первым цензором своих судей, которая, не успевая предстать перед их судом, уже призывает их к своему, – публика уже вынесла им свой неотвратимый приговор. Он вписан во все воспоминания, и каждый судья может сказать себе: я почитаем или опозорен в умах всех моих сограждан – мысль ужасная и утешительная для души, чувствительной к чести! Счастливы еще тот народ, который заставляет тех, кто им управляет, желать, чтобы он оценил их, и который возвращает себе через общественное мнение власть, уступленную им законам!

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Счастлив тот народ, который заставляет тех, кто им управляет, желать, чтобы он оценил их, и который возвращает себе через общественное мнение власть, уступленную им законам!

Судья может какое-то время скрывать свое невежество в законах; столь серьезные предметы едва ли становятся темой легкомысленных людских бесед – но чего он никогда не сможет скрыть, так это своей неспособности судить по уголовным делам; чего он никогда не сможет скрыть, так это страстей, которые его воспаляют – его доверчивости или упрямства, предвзятости, предрассудков, прихоти настроения, незнания нравов и характеров людей, – того, что его семья, слуги, друзья, его окружение знают задолго до него и гораздо лучше, чем он сам.

Какое унижительное зрелище для глаз мудрого человека – видеть невежество и слабость ребенка в том, кто властен решать судьбы людей! Какая ужасная и обескураживающая мысль для добродетельного гражданина! Так вот кто вершитель моей судьбы; если какой-нибудь порочный человек осмелится обвинить меня, вот судья, который мне уготован. Боже правый! Сжался над моей участью и возьми на себя мою защиту; удали от меня злодеев, которые пожелали бы напасть на меня, раз я лишен судей, которые должны были бы меня защищать. Это мнение

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

передается из уст в уста, и вскоре на этого судью смотрят как на общественное бедствие; его имя с содроганием произносят в числе судей; люди не хотели бы допустить его до всего того, что им дорого, как убирают ценные вещи из рук ребенка, который все ломает, потому что ничего не знает.

Как губительно это уныние граждан! Сколько зол приносит недоверие народа к тем, кто им управляет! Наказания бесплодны, потому что люди сомневаются в их справедливости: среди тщетного зрелища казней недоверие и жалость тайно спрашивают, невинен или виновен тот, кого приносят в жертву; и, далекие от той радости, которую внушает защита, дарованная законами, все испытывают ужас, порождаемый подозрением, что он ею оставлен.

Какое оскорбление для правосудия, что первый и самый спасительный совет, который дают обвиняемому, это уклониться от правосудия! Так один философ, обвиненный после смерти Сократа, сказал, покидая жестокие Афины: «Спасем философию от второго надругательства». Невинные люди, оставайтесь на своем месте; в отношении вас вынесено обвинение – это несчастье общества; но будьте тверды и бесстрашны; законы на вашей стороне, и их служители не предадут их. Осмельтесь даже претерпеть унижение заключения; вы выйдете из него лишь для того, чтобы присутствовать на казни своих врагов; все, что природа пожелала нам даровать из света разума, все, что ученость и размышление могут к нему добавить, наши дни и ночи мы готовы все принести в жертву вашему спокойствию.

Чистая и святая справедливость! Мы никогда не оставим тебя; ты перейдешь из наших сердец в наши решения; мы начертаяем твой живой образ нашей кровью, если потребуется, чтобы навечно явить нашим согражданам пример любви к людям и к отечеству.

Но как трудно исполнять твои веления, когда ты предписываешь нам осудить обвиняемого, которого только что изобличила, когда нужно избирать для преступления наказания и кары, когда ты приказываешь людям послать человека на смерть! Это последнее усилие судьи; но, вернее сказать, это дело закона, и в наших печальных обязанностях мы менее авторы, нежели первые свидетели осуждения обвиняемого: это мы выдвигаем против него закон, который его осуждает, это мы этот закон провозглашаем; сомнительно, чтобы мы могли даже его толковать⁸. И в самом деле, остережемся думать, что судья имеет несчастное право распоряжаться по своему произволу наказанием виновного; один лишь закон – хранитель и распределитель

8 Французским просветителям было свойственно радикальное понимание принципа разделения властей, что означало, что судьям отказано даже толковать законы.

кар; он один – господин граждан, и в качестве законодателей наши короли – наши истинные господа.

Ни один человек по своей природе не имеет права вершить судьбу другого человека, налагать кары за его проступки и приказывать ему умереть. Даже отцы не имеют этой власти над своими детьми, и их авторитет, кажется, иссякает к тому времени, когда разум делает человека восприимчивым к наказанию, делая его способным к преступлению. Римляне, у которых нравы сначала оставляли так мало места законам и которые были так заинтересованы в поддержании законов отцовской властью, сочли себя обязанными ограничить эту власть: они полагали, что добрые отцы могут стать несправедливыми судьями, и они больше боялись заблуждения страстей, нежели надеялись на правильность природы.

Но, если ни один человек не получил от природы законной власти распоряжаться судьбой и жизнью себе подобных, конечно, он никогда не получит ее и по соглашению: какой безумец мог бы отречься от своей свободы, своей жизни, себя самого, чтобы целиком предаться людям, слабым, как он, страстным, как он, равнодушным к его защите и порой заинтересованным в его уничтожении? Никогда гражданин не согласится быть произвольно судимым отдельными людьми (из) общества, которому он принадлежит, ни даже всем этим обществом целиком. Возьмите, в самом деле, сколько угодно людей, и они всегда объединятся против кого-то одного: кто поручится ему, что они будут справедливы к нему, что они осудят согласно его вине, а не своим страстям, согласно делу, а не моменту? Чем будет гарантирован их приговор – числом судей? Но толпа заблуждается, и именно малое число любит и знает истину: Аристид был осужден народом Афин.

Гарантиями будут их добродетели и их просвещенность? Но кто поручится мне за просвещенность там, где я вижу страсти, и за добродетель там, где я нахожу частные интересы? Судьи Сократа были обольщены или подкуплены. Человек, получивший от природы лишь мгновение существования, не оставит этого существования среди подводных камней и бурь без всякой защиты, и эта столь живая любовь к самосохранению есть тайный приказ Божества: не доверяться другим, никогда не отказываться от себя самого.

Странный парадокс: гражданин не может быть осужден без его согласия, и никакая кара не законна, если она не избрана самим виновным! Природа закона проясняет эти кажущиеся противоречия: закон есть не что иное, как общественная воля; и, хотя ее формирует и провозглашает единственный законодатель, она остается результатом и выражением всех частных волей. Законодатель, очерчивая круг собравшихся людей, огра-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

ничивает их интересы и, направляя их всех кратчайшими линиями к общему центру, воздвигает законы как непогрешимый маяк, к которому каждый должен стремиться.

Что же тогда представляет собой закон для каждого гражданина? Это акт его собственной воли, это его разум, очищенный другим; это то, что он сказал бы, если бы хорошо подумал, то, что он сделал бы, стремясь поступить правильно; это творение законодателя, которое он присваивает себе через справедливое повиновение. Одним словом, гражданин, соблюдающий законы, превращает свой разум в разум общественный; он чтит свой ум тем, что заменяет его общественным и связывает прерогативу свободы ярмом долга.

Рассматривая вещи по их природе, уголовный закон, таким образом, есть не что иное, как обязательство, взятое каждым гражданином перед всеми другими: подчиниться таким-то наказаниям во всех случаях, когда он совершит такие-то преступления. Следовательно, верно, что виновный гражданин заранее определил наказание за свое преступление; и судья, который только что его изобличил, может сказать, показывая ему закон: «Я больше не твой судья; это закон тебя осуждает, или, вернее, это ты сам себя осуждаешь через закон, который ты признал».

Гражданин, соблюдающий законы, превращает свой разум в разум общественный; он чтит свой ум тем, что заменяет его общественным и связывает прерогативу свободы ярмом долга.

Таким образом, уголовные законы всегда должны быть максимально обширными и точными, и незаменимы в уголовных законах подробности являются излишними для других законов. Связано это с тем, что фактические действия определить гораздо труднее, чем права.

Но мало установить преступление – нужно еще установить за него наказание. Уголовные законы должны предлагать судье столь точную картину преступлений и их наказаний, чтобы ему оставалось лишь без труда и неопределенности выбирать, по мере того как возникают общественные беды, средство, указанное законом.

Не надо бояться в этом признаться: наши уголовные законы весьма далеки от этого совершенства; вместо того, чтобы образовывать через хорошо выдержанную градацию наказаний и преступлений двойную цепь, все части которой соответствуют друг другу, и охватывать собой все политическое общество,

они разрозненны, бессвязны и оставляют между собой пустоты, где судья может заблудиться.

В самом деле, наши законы не различали ни преступлений, ни наказаний; они не разделяли преступлений по их роду, виду, объекту, степени. Какая, однако, разница между преступлениями по их объекту! Одни более непосредственно затрагивают частных лиц, другие – общество, одни – суверена, другие – самого Бога. Какие различия в преступлениях по их степени! Сколько оттенков нужно отметить, сколько проступков нужно различить – от непочтительности до святотатства, от ропота до мятежа, от угрозы до убийства, от злословия до клеветы, от мошенничества до захвата чужого имущества.

Если мы рассмотрим преступления по отношению к частным лицам, на которых они посягают, следует ли смешивать проступок гражданина против другого гражданина с проступком супруга против своей супруги, отца против своих детей, детей против своего отца? Гражданин нарушает лишь общественный договор; супруг нарушает еще один: отец, оскорбленные дети вдобавок (к общественному договору) преступают законы природы. Разве все эти проступки не бесконечно различны? И, однако, мы их не различаем. Странная вещь! У нас есть полные номенклатуры для растений и животных, но их не хватает для наших моральных действий. Наши исследования существуют уже несколько веков, и только со вчерашнего дня мы думаем о морали. С окраин поприща наук мы возвращаемся, наконец, к самим себе, как путешественник, который видел все, кроме своей родины; гражданин мира, чужой в собственном доме.

Если мы и установили на сегодняшний день какое-то различие для преступлений, оно хуже, чем полная путаница – ибо легче разобраться в объектах, не имеющих никакого порядка, чем в тех, что имеют плохой. Знаем ли мы в самом деле истинные границы общих преступлений и привилегированных преступлений⁹, королевских случаев¹⁰ и обычных случаев? Сколько нерешенных вопросов по этому пункту!

Не смешивали ли слишком часто обычные преступления и религиозные? Сколько проступков наказывалось в этой жизни, которые должны были судиться лишь в другой! Всегда ли мы достаточно уважали права совести – это священное убежище, где каждый должен быть в безопасности, чтобы судить себя самого по обвинению угрызений совести? Если бы никогда не упустили из виду соразмерность преступлений, стали бы на-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

9 То есть совершаемых духовенством и дворянством, для рассмотрения подобных преступлений была своя подсудность, определяемая исходя из сословного принципа.

10 Под ними понимается совокупность тяжких преступлений, рассматриваемых королевскими судами, – это в основном государственные преступления и тяжкие преступления против личности.

казывать контрабанду с такой же суровостью, как заговор, насилие и общественное угнетение? Если бы проступки супругов, отцов и детей были различены согласно порядку природы и нравов, то природа и чистота нравов были ли бы так скоро развращены?

Но определили ли мы наказания лучше, чем преступления? Без сомнения, нет – и первый порок влечет за собой второй. Это своего рода максима – наказания произвольны в этом королевстве: эта максима удручающа и позорна; мы не знаем даже точных границ применения бесчестья, этого столь важного и столь деликатного наказания, которое могло бы стать заменой стольким другим, которое так подходит народу, любящему честь; одним словом, истинное наказание для француза.

Определили ли наши законы продолжительность и меру изгнания согласно каждому проступку, каждому преступлению? Значит, надо считать родину ничем, раз относятся к изгнанию с таким безразличием.

Разве каторжное наказание не меняется по произволу судьи? Каждый день судьи совещаются, должны ли они приговорить преступника к каторге на определенный срок или пожизненно; законы безмолвствуют, надо их восполнять. Однако на один год страданий больше или меньше – разве это так мало для столь чувствительного существа, живущего так недолго, что законы могли пренебречь самим этим распоряжением? Какое различие мы установили в наших казнях? Смерть, всегда смерть – и почти в одной и той же форме: однако какая пропасть между преступлениями! Самый ужасный убийца наказывается не иначе, чем несчастный, которого нужда и голод толкнули на большую дорогу, чтобы отнять силой хлеб, не разделенный с ним из милосердия.

Слуга, который унес без спроса то, что его хозяин постыдился бы предложить ему в дар, будет повешен на той же виселице, что и тот, кто похитил все состояние хозяина. Нельзя скрывать этих ошибок наших законов – и то, что мы осмеливаемся сказать во всеуслышание, каждый тысячу раз говорил самому себе втайне.

Мне возражат, быть может, что столь точное распределение преступлений и наказаний чрезмерно умножило бы уголовные законы. Трудолюбивый судья не выдвигает этого возражения – большой объем хороших законов его не пугает; беспристрастного и осмотрительного судью скорее стесняет слишком широкий выбор наказаний.

Так является ли недостатком иметь больше законов при условии, что у нас будут лишь необходимые законы? Бояться ли нам, что судья не сможет их удержать в памяти? Хотят ли отказать его памяти в доверии, которое оказывают его суждению,

и находят ли более легким и надежным толковать законы, нежели изучать их?

Судьи, сведущие в истинных принципах уголовного правосудия, никогда не будут сожалеть о печальной и опасной свободе выбирать наказания; они с радостью пойдут вслед за законами и содрогнутся, если когда-либо будут вынуждены их направлять. Однако такова роковая необходимость, к которой приведен французский судья; и суверен возлагает на него обязанность определять наказания при отсутствии законов, или, вернее, согласно духу наших законов.

Чем менее законы разъясняют, тем более судья должен знать; чем больше в них недостатков, тем более он сам должен быть от них свободен; и толкователь должен обладать талантами законодателя. Какие обязательства на вас возложены! Какое бремя – отправление уголовного правосудия! И что печально, речь идет не о следовании истинному духу хороших уголовных законов, а о постижении особого духа наших законов.

Дух всякого хорошего уголовного закона заключается в том, чтобы сочетать, насколько это возможно, наименьшее наказание виновного с наибольшей общественной пользой.

В общем, дух всякого хорошего уголовного закона заключается в том, чтобы сочетать, насколько это возможно, наименьшее наказание виновного с наибольшей общественной пользой. Неделимая точка, где эти две вещи соприкасаются, – единственная, которую следует отметить. Прямой разум, поддержанный чутким сердцем, неизбежно сумел бы ее обнаружить; но, по прискорбной судьбе, наши уголовные законы не имеют этого духа. Кто бы поверил, что канонические установления, религиозные предписания, идеи, почерпнутые из источника, из которого человеческая политика никогда не должна была черпать, – кто бы поверил, что эти вещи сформировали часть положений наших уголовных законов и постоянно уводят нас от их истинной цели?

Кроме того, наши обычаи, наши нравы, обстоятельства изменились, в то время как наши уголовные законы всегда оставались неизменными, и их дух стал почти несовместим с нашей нынешней ситуацией. И даже если бы мы предположили, что эти уголовные законы подходили нам тогда, это не значит, что они походят нам сейчас. Осмелимся сказать, что во все времена, во всех местах людям нужны человеческие законы, а многие из наших таковыми не являются.

**ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН**

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Повсюду и без разбора они расточают смертную казнь; преступления – самые различные по своей природе, самые ужасные, а подчас и самые незначительные – караются одной карой: можно подумать, что в своей поспешности они захотели сделать из всех преступлений один ком, чтобы разом его сокрушить. Разум изумляется, и сердце обливается кровью при чтении их страшных наказаний.

В них часто видят, что кража наказывается, как убийство; и на большой дороге жизнь человека ценится не больше его золота. Опрометчивое установление, которое подвергает головы граждан опасности ради обеспечения их имущества и которое вынуждает злодея совершить два преступления, когда он замыслил лишь одно.

Кражи со взломом караются смертью, а взлом включают почти все кражи. С тех пор, как недоверие закрыло сердца, какие ценности у людей остаются на виду? Никакого различия между первой кражей и последующими, между соблазном и привычкой.

Что скажем мы о наказании, наложенном за домашнюю кражу? Суровые и скупые хозяева уже трепещут за свою собственность и восстают против кроткого голоса жалости: что станет с нашим состоянием, восклицают они, если наши дома не будут надежным убежищем? Кто-то мог бы сказать, что эти состояния не потеряны для государства; что они лишь меняют хозяев: но я знаю, что государство – гарант собственности; но я знаю также, что государство – защитник людей, и что богатства хозяев – ничто по сравнению с жизнью последнего из их слуг, и что содрогаешься при мысли об этом бесчеловечном обмене головы гражданина на самую мелкую монету.

Странная вещь – столь суровый закон исправился сам собой: ужас видеть виселицу у своих ворот и страх ненависти и публичных проклятий останавливают жалобу хозяев; и сама чрезмерность наказания породила безнаказанность кражи, которую более умеренный закон, несомненно, пресек бы; однако, несмотря на эту снисходительность, находим ли мы наши дома менее безопасными? Участились ли кражи? Выбор слуг и бдительность хозяев ежедневно восполняют закон. Люди, обладающие всеми благами общества, вот ваш метод! Чтобы избавить себя от труда их охранять, вы осуждаете на смерть тех, кто осмелится к ним прикоснуться; и то, что сделала бы простая бдительность, вы покупаете ценою жизни человека.

Есть ли основания жаловаться на закон, который осуждает на то же наказание укрывателя кражи и того, кто ее совершил? Есть ли некая дистанция между этими двумя действиями?

Можно ли понять, что простой фальшивомонетчик наказывается той же казнью, что и свидетель, чья ужасная ложь по-

ставила под угрозу жизнь и честь невинного? Неужели мы никогда не перестанем смешивать лица и вещи и оценивать человека металлами?

Также справедливо ли, что умысел убийства наказывается как исполнение? И зачем наши законы отняли у нас средство раскаяния, которое могло бы остановить злодея от исполнения своего умысла?

Несчастный ввозит несколько запрещенных товаров, и его посылают заплатить на колесе скромную прибыль, которую он укрыл от самых богатых людей государства¹¹. В счастье и покой они, без сомнения, не ведают об ужасной жертве, которую приносят их состоянию.

Если мы назначаем за не самые тяжкие преступления такие наказания, которые, казалось бы, требуются честью и природой, какие же казни мы тогда приберегли для тех преступлений, что оскорбляют и то и другое? Как будем мы наказывать ужасное убийство, отцеубийство? Если уже достаточно крови было пролито за малейшие проступки, строгости наказаний не будет для действительно тяжких преступлений. Даже если установят наказанием смерть, более жестокою, то я увижу, как на том же колесе погибают и публичный вор, и чудовище, убившее своего отца! Что ему делают сверх того? Отсекают руку, совершившую это непостижимое злодеяние, – вот и все различие в казнях, которое должно отмечать различие в преступлениях.

Наши законы с самого начала прибегли к смертной казни; что же они могли сделать после? Они немного варьировали ее форму, но эта уловка безрезультатна: такова природа человеческого сердца, что в казнях, наблюдаемых издали, злодей видит лишь смерть, не учитывая разницы в страданиях казнимого; и виселица, и колесо предстают в его будущем в одном и том же образе.

К чему же послужили все эти суровости? К тому, чтобы мы напрасно проливали кровь, которую можно было бы сделать полезной для отечества; к тому, чтобы ускорить развращение нравов, исказив верные понятия о справедливости моральных поступков; к тому, чтобы сделать дурных граждан менее чувствительными к закону. Казни, назначаемые за малейшие преступления, способствуют безнаказанности более тяжких; и, желая слишком легко залечить легкую рану, наши законы разожгли внутри лихорадку.

Какое удивительное противоречие в наших нравах! Мы, вкладывающие столько радости в жизнь, лелеющие все, что мило, и так охотно берушие все, что сладко; мы, у которых в ру-

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

11 Речь о казни контрабандистов путем колесования – одной из самых жестоких и мучительных.

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ

АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ

ОБ ОТПРАВЛЕНИИ

УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

как лишь цветы, а в устах песни; мы, чья душа восприимчива ко всем чувствам, чей легкий ум открыт всем идеям, мы приняли законы, способные сокрушить чела и сердца из бронзы!

Мы празднуем наши публичные торжества в местах побоищ, орошенных кровью; эти кроткие и легкомысленные люди хоят крови повсюду; они не могут прожить даже мгновения наедине с самими собой, не могут обойтись без общения с себе подобными; и беспрестанно варварский предрассудок вкладывает им в руку против них же меч. Их законы подражают их предрассудкам; публичные наказания столь же жестоки, как и частные мщения, и акты их разума едва ли менее безжалостны, чем акты их страстей. В чем же причина этого причудливого противоречия? В том, что наши предрассудки древни, а наша мораль нова; в том, что мы так же проникнуты нашими чувствами, как невнимательны к нашим идеям; в том, что жадность к удовольствиям мешает нам размышлять о наших потребностях и что мы более спешим жить, чем управлять собой. Это, одним словом, означает то, что наши нравы мягки, но не хороши; то, что мы учтивы, но мы даже не человечны.

Не обвинят ли меня в недостатке уважения, которое мы должны оказывать законам? Мудрые мужи, скажите мне, оскорбляю ли я законы тем, что желаю более совершенных. Возвещаю это робким людям, суеверным почитателям всякого древнего обычая; возвещаю это буйным людям, помещающим главу правосудия на облако и показывающим лишь его руки; возвещаю это всем: пока наши уголовные законы существуют, я никогда не перестану уважать их как гражданин; я никогда не перестану трудиться, чтобы заставить других уважать их, как судья; но как друг человечества я буду желать их преобразования.

Я провозглашаю это желание моего сердца, потому что считаю его полезным и справедливым; и, если бы меня могли убедить, что опасно возвещать подобную истину, я заключил бы ее в своей душе; но она жила бы там, сколько и я сам; пока хоть капля крови течет в моих жилах и заставляет мое сердце биться, я буду стенать об этой истине, которую в таком случае увижу потерянной для моих сограждан.

И даже если бы все наши уголовные законы были хороши, разве не было бы нам позволено думать, что есть другие, более совершенные? Следовало ли тогда запрещать нам надежду, даже самое желание подражать им?

Неужели никогда не будут различать распущенность, желающую все разрушить, и любовь к благу, желающую изменить лишь зло? Распущенность хочет все разрушить лишь для того, чтобы ничего не менять; любовь к благу заменяет зло благом или благо еще большим; распущенность лишь жаждет анархии; любовь к благу требует лишь свободы; распущенность не

хочет никаких законов; любовь к благу не хочет ничего, кроме лучших законов.

Но слабость или злобность услаждаются, смешивая их: всякая смелая истина – предмет страха для малодушного человека и предлог для обвинения со стороны злого. Эта ложная почтительность состарила мир на ошибках его детства, и часто одна-единственная истина, которую предрассудок держал в плену в голове великого человека, смягчила бы участь человечества и изменила бы судьбы народов.

Будем особенно опасаться закрывать рты по вопросам, касающимся наших самых насущных интересов; и, пока нам так много нужно трудиться для себя самих, не будем растрачивать нашу душу на безразличные предметы.

Но что! Разве только с сегодняшнего дня говорят о преобразовании наших уголовных законов? Разве наш последний король не начал этого славного предприятия?

Гражданский ордонанс, Уголовный ордонанс – вот истинные завоевания Людовика XIV; ибо завоевать земли – значит взять их в собственность; завоевать людей – значит обеспечить их жизнь.

Если хотят измерить путь, который уголовное правосудие прошло от наших первых королей до последнего царствования, от испытаний огнем и водой до Уголовного ордонанса¹², увидят, что истина сделала шаг в сто раз больший, чем тот, что ей осталось сделать. Какой предмет для соревнования нашему веку! Если мы увидим, что Уголовный ордонанс устарел, разве не будем мы пытаться превзойти его? Вот уже скоро век, как уголовное правосудие основывается на этом славном памятнике – не время ли нам отказаться от этого реликта [прошлого], чтобы вознестись к более совершенным законам? Все возмущает нас это счастливое изменение: никогда прежде так не говорили о нравах и добродетели. Уже время начинает смягчать те суровости, которые невежество сформировало в душах, в остальном чувствительных; уже философия бросает взгляды на уголовные законы. Ее успехи медленны, но верны: подобно часовым стрелкам, что отмечают время, люди не замечают, как они движутся, но видят, как они прибывают.

Благодаря нескольким мудрым мужам, у нас уже есть хорошие сочинения об этом важном предмете, и, возможно, готовы появиться лучшие; ибо хорошее сочинение – это факел, который зажигает тысячу других, умножает свет, не теряя своего

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН

РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

12 Речь идет об Уголовном ордонансе 1670 года, принятом при Людовике XIV. Это был основополагающий закон в сфере уголовного права и процесса с момента своего принятия и вплоть до Великой Французской революции. См.: Ишков А.Ю. *Уголовный ордонанс 1670 г. как источник уголовно-процессуального права Франции эпохи абсолютизма* // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2017. № 5. С. 135–144.

сияния. Возможно, мы недалеко от времени, когда более мягкие и человеческие уголовные законы излечат раны, нанесенные некоторыми чрезмерно суровыми законами.

Ах! Кто знает, как далеко может простираться наша смелость? Кто знает, не последуем ли мы примеру той августейшей государыни, которая ознаменовала начало своего правления отменой смертной казни?¹³ Кто знает, не прилетит ли человечность с крайнего севера в наши края? Давайте примем эту мысль; она делает честь, она утешает человеческое сердце; по крайней мере не отвергнем ее с поспешностью, в которой нас упрекают за столь многие другие спасительные истины. Исследуем, прежде чем восставать, и не будем всегда подражать тем детям, которые дурно обращаются со своей кормилицей, как только она хочет отнять их от груди. Человек судит о предметах лишь в сравнении; и таков наш дух, что казнь покажется нам суровой, как только она станет менее мягкой, чем все другие. Очень верно, что можно уменьшить величину наказаний, лучше различая их тяжесть; очень верно, что законодатель, начиная с самого легкого наказания и следуя прогрессии, всегда соответствующей прогрессии преступлений, наказывал бы последние преступления лишь умеренными карами.

Унизимся ли мы до того, чтобы считать себя неспособными к столь мягкому правилу! Мы, столь чувствительные к чести, – зачем нам умирать за преступление! Начнем с того, чтобы краснеть за него.

Если же, однако, мы боимся впасть в излишества безнаказанности, обуздывая излишества кары, то оставим эту неотвратимую смертную казнь. Но по крайней мере сэкономим ее в качестве нашего последнего средства: следовало бы поместить ее на окраине наших уголовных законов, чтобы отдать ей неискупимые злодеяния и избавить себя от исключительных злодеев, жизни которых нельзя сохранять, не подвергая других опасности.

Насколько были бы достойны эти преобразования наших законов для самого человеколюбивого государя из всех, когда-либо существовавших! Более справедливые и мягкие законы в царствование Людовика Возлюбленного – какое великолепное соотношение!¹⁴

Воображение увлекает меня, и я представляю себе эту счастливую революцию под эмблемой памятника, который вознесся бы среди наших граждан и криков их признательности и радости. Правосудие, религия, жалость и самые кроткие добродетели украсили бы его своим благоговейным видом и трюга-

13 Речь о российской императрице Елизавете Петровне, в правление которой смертная казнь не применялась.

14 Речь Сервана была опубликована в 1767 году, в период правления Людовика XV Возлюбленного. Никаких серьезных реформ уголовного правосудия в те времена не последовало.

тельными позами: прикованное преступление явилось бы там удрученное жизнью, осужденное на страдание и угрызения, худшие, чем страдание; оно отворачивало бы голову, стеная, чтобы призвать к себе смерть, которую человечность заставляет отступить. Эта любезная добродетель показала бы в своих пленительных чертах смесь радости, ужаса и жалости; и, попирая ногами убийственные орудия, заставляющие литься кровь людей, она подносила бы преступлению орудия наших полезных трудов. Над этими образами вознесся бы образ благодетельного государя, устанавливающего уголовные законы с видом суровым и нежным, каков вид отца, наказывающего своих детей без слабости и без излишества.

Господа, мы все – люди и, следовательно, друзья; мы все собрались здесь, в храме согласия и справедливости; воспользуемся этой торжественностью, чтобы возобновить священный договор, который природа внушает нам заключить со всеми нам подобными; и в то время, как люди великодушной профессии будут приносить присягу служить публике, поклянемся все в глубине наших сердец быть справедливыми и добродетельными, любить людей и быть им полезными.

*Перевод с французского, предисловие и примечания
Антон Ишкова*

ЖОЗЕФ МИШЕЛЬ
АНТУАН СЕРВАН
РАССУЖДЕНИЕ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ
УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

